

ЮРИЙ НАГИБИН

НАУКА ДАЛЬНИХ
СТРАНСТВИЙ

- Юрий Маркович Нагибин

Юрий Маркович Нагибин

Вечерняя прогулка к термам Каракаллы

Решив рассказать, как мы ходили к термам Каракаллы в Риме, я вдруг удивился сходству этого слова с русским «теремом». Неужто тут общий корень? Термос — это тепло. Нет бани без тепла, и терем, как всякое жилье, дает кров и тепло. Непременная принадлежность терема — теплые сени. А с другой стороны, терем — высокое строение, стало быть, он как-то связан со словом «турн» — башня.

Императорские термы (в Риме есть еще термы Диоклетиана и термы Траяна) служили не только для омовения, они были чем-то вроде клуба, здесь беседовали, рассуждали, спорили, читали вслух и пели, здесь звучали кифары, авлосы и лиры. И прохладное вино лилось в термах для остуды и освежения купальщиков, и тонкие яства подкрепляли умяченную плоть отдыхающих на благоуханном ложе.

Каракалла — обычный древнеримский подонок, взошел на убийстве (прикончил своего брата-соправителя Гету), держался на массовых убийствах (резня в Александрии) и пал от руки убийцы — преторианца Матрица. В свободное от убийства время он покровительствовал строительству. При нем много строили — и в Риме и в римских провинциях. Его бани — самые громадные после Колизея останки цезарийского Рима. Сейчас здесь ставят оперы и монументальные спектакли. Здесь же, под звездным небом, наш поэт в расцвете своей громокипящей юности сеял разумное, доброе, но, увы, не вечное. Понятно, что нам не терпелось к баням Каракаллы, и, найдя их на карте города, составив маршрут, мы отправились в ранний, окрашенный нежно-алым закатом подвечер из нашей маленькой гостиницы, затерявшейся в кривых улочках близ форума, в сторону Колизея. Впрочем, я зря расписываюсь за жену, которая вовсе не разделяла моего энтузиазма в отношении терм. Она почему-то не доверяла Риму за Колизеем. Ей по душе была та часть города, которая примыкает к вилле Боргезе, древние обнажения ее тревожили, арку же Константина она считала тем пределом, за который вообще лучше не выходить. Мне стоило немалого труда убедить ее, что нас ждет очаровательная и романтическая прогулка.

В новых городах полезно менять маршруты даже с риском запутаться. Смело сворачивайте в незнакомые улицы, переулки,

дворы, пусть вы собьетесь с дороги, испытаете растерянность, страх, в конце концов вы непременно будете вознаграждены каким-нибудь открытием, встречей. Вопреки обыкновению мы пошли к Колизею не по виа Кавур, самой прозаической и деловой улице Вечного города, а по узенькой улочке, носящей имя древнеримского цирка, и сразу были награждены вознесением. Непонятно, каким образом мы очутились высоко над городом, над Палатинским холмом, вровень с верхними ярусами Колизея.

Прямо под нами оказался вход в метро и полицейский участок с крошечными фигурками блюстителей порядка в нарядных плащиках с алым подбоем; справедливо было бы называть их жертвами итальянского беспорядка, ибо не проходит дня, чтобы их не убивали. От Сицилии до швейцарской границы идет беспощадная охота на полицейских. Но эти «моритури» (обреченные смерти) не становятся осмотровей, собранной и серьезней; под дулами бандитских пистолетов они думают только о девочках.

Нам надо было спуститься вниз, чтобы попасть на улицу С. Грегорио, которая приводит к широкой и длинной улице Терм Каракаллы. Но спуска не было. Нам не оставалось ничего другого, как идти вперед, и гигантская обкусанная чаша Колизея медленно тронулась в одном с нами направлении. Конечно, то был обман зрения. Мы отмахивали урны, деревья, кусты, скамейки, клумбы, внизу скрылась арка Константина, прежде зримая в перспективе, но если судить по Колизею, то мы не продвинулись ни на шаг. Пытаясь осилить наваждение, мы все прибавляли шагу, но темный громозд справа, за узким глубоким ущельем улицы, опровергал наши жалкие усилия. Я не суверен, но чувствителен к смещениям в трезвой обыденности бытия и вижу в них настораживающий знак каких-то тайных сил. Из этого вовсе не следует, что я охладел к цели нашего похода, скорее наоборот, ибо понял, что нас ждут неожиданности. Видимо, и жена это поняла, но с другим чувством.

— Знаешь, — сказала она мрачно, — я не вижу ничего ошеломительного в нашей прогулке.

Выручить нас мог только спуск. Уйти от Колизея в этой выси было невозможно. Он медленно плыл вровень с нами сквозь сгущающуюся тьму, а потом вдруг озарился бледным, мертвенным светом, явив чудовищный оскал мертвеца. И тут мы увидели узенькую крутую каменную лестницу, уступами сбегавшую вниз. Мы кинулись к ней и, совершив головокружительный спуск по ее обшарпанным, покрытым мохом ступеням, оказались напротив арки Константина. Мы с женой молча приняли это издевательское чудо, неразгадываемость

которого как-то странно настроила нас друг против друга. Каждому казалось, что другой не был на страже, что лишь ослаблением заботы о близкой жизни объясняется тревожная нелепица получасового бега, ославившего нас на том же самом месте.

Переходили мы улицу на одном из худших перекрестков Рима поврозь. Я — в несколько бросков, угадывая мгновения спада в лавинном потоке транспорта. Мне помогли платформы трамвайных остановок и резервные зоны. Жена задумала дело вовсе безнадежное: дожидаться, чтобы все светофоры Т-образного, с двусторонним движением перекрестка дали красный свет. Она ждала этого теоретически невозможного момента с терпеливым упрямством трусости, глухой ко всякой логике. И когда я уже начал махать ей рукой, чтобы она возвращалась в гостиницу, случилось невероятное: все светофоры зажгли красный свет, парализовав движение на всех улицах, выходивших к перекрестку.

...Мы миновали арку Константина и пошли по очень прямой, ярко освещенной улице С. Грегорио. Справа чернели на фоне затухающей зари развалины Палатино, слева тянулось темное, поросшее деревьями всхолмие, светились огни вилл. С чудовищной быстротой проносились машины, казалось, все они куда-то опаздывают. И было в этой части города что-то странное, тревожное, а что — мы не могли взять в толк, пока не увидели одинокую юношескую фигуру на краю тротуара. На улице не было прохожих, широкий тротуар пустынен из конца в конец, только шуршат шипами равнодушные, словно не обитаемые автомобили.

И так приятно было явление живой человеческой плоти в этом бездушии металла и скоростей. Можно спросить незнакомого человека, правильно ли мы идем, просто обменяться взглядом. Но мы опоздали. На огромной скорости подлетел маленький «фиат» и, взвизгнув тормозами, замер возле юноши. Тот что-то закричал и приветственно взмахнул рукой, в которой держал цветок. Дверца машины распахнулась. Мы увидели смуглую обнаженную руку, большие темные очки в пол-лица, рыжие курчавые волосы.

Рослый юноша сложился и ловко юркнул в машину. В салоне горел свет. Мы видели, как он вручил цветок водителю и был награжден нежным шлепком по щеке. Его большая рука легла на рыжий загривок, пальцы зарылись в волосы, заиграли там, он медленно приблизил губы к любимому лицу.

Я почувствовал легкое прикосновение к своему локтю. Очарование чужого счастья вернуло мне жену.

— Тьфу, гадость! — сказала жена и отдернула руку, отстранилась, вновь убедившись в моем бессилии перед окружающим миром.

В машине находились два парня: рыжий и брюнет. Через мгновение они пронеслись мимо нас, рыжая голова покоилась на плече спутника.

Пьяцца ди Порто Капена повергла нас в растерянность и ужас. На карте это аккуратный кружочек, в действительности хаотическое пространство, где скрещиваются, переплетаются потоки машин, автобусов, троллейбусов и трамваев, где в беспорядке торчат высоченные дома и угрюмые развалины, где подступает лес, шумят деревья, воет негородской ветер; сюда вливаются и отсюда вытекают широченные, похожие на реки улицы без тротуаров — нельзя же считать тротуарами узенькие полоски плитняка, охлестываемые ветром проносящихся машин. И невозможно понять систему движения, приспособиться к нему, опасность грозит со всех сторон, здесь нет ни правил, ни ограничений, человек брошен на растерзание железным хищникам. Здесь признают только дальний ослепляющий свет. Лучи смерти тянутся со всех сторон, и нет спасения. Ослепленные, оглушенные, ошарашенные безжалостным буйством площади, мы бессмысленно метались среди машин, не выгадывая даже малого приближения к цели...

Звонки, гудки, скрежет и лязг тормозов, наше сбитое дыхание, резь в глазах, охлест воздушных волн от больших машин и вдруг — небольшое возвышение, три сросшихся корнями дерева и урна, набитая доверху палыми листьями. Островок в бушующем море, здесь можно перевести дух, осмотреться. Но лучи мощных фар не дают проглянуть пространство. Лишь ночное небо дарит ощущением покоя и прочности в этом взбаламученном мире. Справа по мутной мгле нарезан какой-то силуэт: то ли кроны деревьев, то ли облака. Вспоминаю, что по карте там должен быть зеленый массив. Тогда рослые деревья слева — парк Кайенских ворот. Значит, надо идти прямо, в сторону площади Нумы Помпилия. Не доходя ее, мы должны увидеть термы. Обреченно, забыв о безопасности, мы ринулись поперек светового потока...

Нам не суждено было погибнуть на этой площади. И настал такой миг, когда мы увидели чудовищный мрачный громозд, облитый луной, ставшей прямо над ним. Термы в отличие от других исторических развалин не подсвечивались, во всяком случае в этот вечер. И у жены мелькнула надежда, что мы ограничимся лицезрением их со стороны. Но мы приняли столько мук, что надо было довести дело до конца, и, крепко взяв жену за

руку, я потащил ее через все струящиеся гибельным светом аллеи безбрежной улицы.

Наверное, термы выглядят иначе, когда преображаются в театр или даруют трибуну поэту, но сейчас эти колоссальные черные мертвые камни производили удручающее впечатление. Они усугубляли бездушность ночи. И тут мы увидели крошечный костерок под стеной и компанию молодежи вокруг него и доверчиво пошли на этот свет.

Девочка лет пятнадцати в белом коротком платье, открывавшем тонкие руки до плеч, впадины подмышек и длинные ноги до тощих бедер, ломалась в странном танце, озаряемая красноватым светом пламени. У нее были густые длинные волосы, то и дело падавшие ей на лицо. Она отбрасывала их назад сильным взмахом головы. Странно, никак нельзя было понять, какой она масти. Волосы то отблескивали медью, то казались совсем черными. Девочка танцевала изо всех силенок, она так выламывала свое худенькое тело, что становилось за нее страшно. Ее усилия пропадали впустую, никто на нее не смотрел. Смотрели на нас — трое или четверо подростков, лежащих на траве и передающих друг другу красную точку сигареты.

Внезапно костер потух. То не был настоящий костер, горела кучка бумажного мусора и палых листьев. Девушка продолжала изгибаться, отбрасывая с лица меняющие цвет волосы. Глаза парней горели зеленым в темноте. Они лежали очень тихо и неотрывно смотрели на нас. Чем-то нездоровым веяло от этих затаившихся наблюдателей да и от плясуньи с движениями твистующей лунатички.

В траве обозначилась тропинка, она вела внутрь терм. Неторопливо, спокойно, словно таково и было наше намерение, мы пошли этой тропинкой. Волчьи глаза неотступно следили за нами. Сквозь лиственную и бумажную гарь тянуло сладковатым дымком.

Мы беспрепятственно ступили в широкую расщелину, разломившую толстую стену. Я успел заметить, до чего хорошо стала луна над развороченным нутром терм, с графической четкостью распределив здесь серебро и чернь, как мимо нас метнулась, возникнув из-под земли, мужская фигура и прыгнула во тьму. И тут же послышался короткий, резкий свист. Мы ненароком вторглись в чью-то дорожащую покровом жизнь, вспугнули ее, встревожили. Разумнее не настаивать на своем присутствии. У нас хватило выдержки выйти из терм через другой лаз, чтобы не сталкиваться с юными наркоманами, возможно уже одолевшими стадию безволия.

— А все-таки хорошо, что мы сюда пришли, — сказал я. —

Только вечером это производит впечатление. А днем все становится обыденным — очередные развалины.

Была у нас такая домашняя игра: в любом свершенном промахе стараться найти что-то положительное, доказать друг другу, что мы не такие уж растерянные перед жизнью идиоты. Но впервые жена не подхватила игры.

— Думай лучше о том, как попасть домой.

Я обиделся и прошел вперед. И сразу завизжали тормоза. Возле жены стал, как лист перед травой, серый «фиат», и курчавый парень, высунувшись из дверцы, что-то кричал ей. Нас предупреждали: женщина с сумочкой на плече не должна ходить близко к поребрику тротуара — есть такие ловкие водители, что сдергивают сумку на полном ходу. Я кинулся на выручку. Парень поглядел, захлопнул дверцу и, круто отвалив от тротуара, укатил.

Пройдя немного вперед, мы увидели стоящий у тротуара серый «фиат» с погашенными фарами. Но через заднее стекло там кто-то проглядывался. Неужели курчавый обормот решил повторить попытку знакомства с сумочкой жены, сообразив, что ему противостоит лишь старый седой человек?

— Пойдем на ту сторону, — сказала жена. — Вон к той часовенке.

Насчет часовенки она добавила, щадя мое самолюбие, но я не собирался делать вид, что мне море по колено. Как-то вдруг я понял нашу совершенную безоружность в этом темном, безжалостном и молодом мире.

Мы перебежали аллею и оказались на клочке земли, мысом вдававшемся в площадь. Здесь стояла старенькая часовня под рослыми, еще не облетевшими деревьями, в их тени приютилось две машины: старый «ситроен» и новенький «альфа-ромео». Мы заметили их, только очутившись между ними. А справа у тротуара остался серый «фиат» — то ли с нашим курчавым знакомцем, то ли с каким-то другим умелым ночным человеком.

— Наверное, у них тут стоянка, — тихо сказала жена.

Но она сама понимала, что на такой стоянке машина не задержится. К тому же в «ситроене» сидел человек и, положив подбородок на руль, неотрывно глядел на «альфа-ромео». Это нас подбодрило: если он что и злоумышлял, то, очевидно, не против нас.

Мы как раз поравнялись с «альфа-ромео», когда оттуда вышла голая женщина. Так показалось нам в первое мгновение — нам бросилась в глаза ее большая белая грудь, которую она грубо запихивала в лифчик, и голые ноги. Нет, на ней были трусики телесного цвета. В свободной руке она держала светлый пыльник. Женщина пронесла мимо нас свое немолодое, серое, влажное от

трудов и закупоренной духоты машины, усталое лицо, опавшее спертым запахом дешевых духов, пота и папиросного дыма, и медленно направилась к «ситроену».

А первая машина резко рванула с места. И тут же от тротуара на ее место приземлился серый «фиат». Конвейер любви работал образцово.

Мы побрели к площади Нумы Помпилия, которую я вдруг вспомнил, как вспомнил и эту улицу и термы Каракаллы; все это я не раз видел, ведь тут проходит главная дорога в аэропорт Леонардо да Винчи, поэтому так велик и стремителен поток машин.

— Жаль, что термы не работают, — сказала жена. — После нашей романтической прогулки хочется отмыться.